

УДК 947.084.5

И. Д. Петришина

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1920-е ГОДЫ

Статья посвящена одной из важнейших социально-экономических проблем российской истории – переселенческому движению, которое не потеряло своей значимости и в настоящее время, поскольку освоение различных регионов нашей страны зависит от переселенческой политики и практики. Ретроспективный взгляд на переселения крестьян Земледельческого Центра 1920-х гг., прежде всего в Азиатскую Россию, особенно актуально в настоящее время, поскольку сегодня преобладают обратные процессы оттока населения из Азиатской России. А задача увеличения трудовых ресурсов восточных регионов России является трудно решаемой проблемой и по сей день. Различные аспекты переселения крестьян Земледельческого Центра 1920-х гг. остаются мало исследованными. В данной статье на конкретно-историческом материале с использованием архивных документов показаны проблемы переселения крестьян крупнейшего аграрного региона России. Традиционная аграрная перенаселенность и повторяющиеся голодные 1921 и 1924 гг. способствовали восстановлению переселенческого движения после Первой мировой войны, революций 1917 г. и Граждан-

ской войны. Государственная политика, материальные и организационные возможности переселенческого дела, причины и масштабы переселения, трудности и проблемы крестьян, решивших улучшить материальное положение своего хозяйства, показаны на примере Воронежской, Тамбовской, Курской и Орловской губерний 1920-х гг. Переселенческое движение 1920-х гг. из области, где крестьяне традиционно страдали от малоземелья, имело, как общие с дореволюционным временем черты, так и специфические, характерные для политики советского руководства периода новой экономической политики. По сути, государственная помощь переселенцам охватывала незначительный период с 1925 по 1928 гг. и не могла кардинально изменить положение в переселенческом деле. В статье также показана деятельность местных областных органов власти, которые считали переселение важнейшим средством решения проблемы отсталости Центрального Черноземья.

Ключевые слова: крестьяне, переселение, ходяки, старожильцы, новоселы, избыточное сельскохозяйственное население.

Irina Petrishina

MIGRATION MOVEMENT OF THE PEASANTS IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN 1920s

The article is devoted to one of the most important social and economic problems of Russian history – the resettlement movement, which has not lost its significance these days, since the development of various regions of our country depends on the resettlement policy and practice. A look back analysis of the resettlement of the peasants of the Agricultural Center of the 1920s, primarily to Asian Russia, is especially relevant at the present time because today the reverse processes of population outflow from Asian Russia prevail. And the task of increasing the labor resources of the eastern regions of Russia remains a difficult task. Various aspects of the resettlement of peasants from the Agricultural Center of the 1920s remain little studied. Problems of the resettlement of peasants in the largest agricultural region of Russia are shown in this article based on specific historical material using archival documents. The traditional agrarian overpopulation and the repeated famines of 1921 and 1924 contributed to restore the resettlement movement after World War I, the 1917 revolutions, and the Civil war.

State policy, the material and organizational possibilities of resettlement, the causes and extent of resettlement, difficulties and problems of peasants who decided to improve the financial situation of their economy are shown by the example of the Voronezh, Tambov, Kursk and Oryol provinces of the 1920s. The Migration Movement of the 1920s from an area where peasants traditionally suffered from low land, it had both features common with pre-revolutionary time and specific features characteristic of the policy of the Soviet leadership during the period of the new economic policy. In fact, state aid to immigrants covered a small period from 1925 to 1928 and could not radically change the situation in the resettlement issue. Also, the article shows the activities of local regional authorities, who considered resettlement to be the most important means of solving the problem of the backwardness of the Central Black Earth Region.

Key words: peasants, resettlement, walkers, old-timers, new settlers, excess agricultural population.

Движение населения стало занимать важное место в социальной истории с начала XIX в. В российской истории переселение играло исклю-

чительную роль. Ретроспективный взгляд на перемещения крестьян Земледельческого Центра 1920-х гг., прежде всего в Азиатскую Россию, не

потеряло своей актуальности и в настоящее время, поскольку сегодня преобладают обратные процессы оттока населения. А задача увеличения трудовых ресурсов восточных регионов России является трудно решаемой проблемой и по сей день.

Цель настоящего исследования заключается в определении особенностей переселенческого движения крестьян Центрального Черноземья в годы новой экономической политики. Задачи работы состоят в том, чтобы установить причины переселений крестьян, масштабы переселений, состояние и организацию переселенческого дела в регионе.

Проблема переселенческого движения крестьян тесно связана с изучением аграрной истории России, а в начале XX – с важнейшим событием – столыпинской аграрной реформой. Данная тема стала центральной проблемой в дореволюционной, советской и постсоветской историографии. В связи с этим интерес историков был направлен на изучение переселения крестьян как в конце XIX – начале XX, так и в годы реформы 1906–1917 гг. Таким образом, земледельческие миграции крестьян до 1917 г. – наиболее разработанная тема в исторических исследованиях. Она представлена целым рядом фундаментальных работ и большим количеством научных статей, охватывающих ее различные стороны. Общая закономерность проходит главным выводом практически во всех работах: миграция крестьян в многоземельные регионы была реакцией на падение уровня благосостояния.

Крестьянским переселениям 1920-х гг. посвящена статья В. М. Моисеенко «Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России)», в которой автор рассматривает теоретические подходы большевистского правительства к проблеме переселения, научно-организационные и законодательные основы переселенческой политики советской власти [16, с. 98–141]. В работах, посвященных отходу крестьян на заработки и миграции из сельской местности в городские поселения, В. М. Моисеенко показывает преемственность миграционных процессов и приходит к выводу, что приметой 1920-х гг. стал рост притока сельского населения в города, а не на заработки или переезд в многоземельные регионы, как это было до революции [18, с. 136; 17, с. 53].

В региональной истории переселенческого движения до 1917 г. представлены работы современных авторов, которые показывают социально-экономические и демографические причины переселений земледельцев, а также характерные черты сельского миграционного процесса до революции 1917 г.: его массовость, бедняцкий состав участников, недостаточную помощь государства, самовольную колонизацию, ограниченность земельных ресурсов [7, с. 142–149; 10, с. 22; 13, с. 303–309; 14, с. 44–52]. В работах М. К. Чуркина проведен анализ адаптивных возможностей переселенцев из земледельческого центра в местах водворения [27, с. 175–183; 28, с. 63–64]. Автор

справедливо считает, что интенсивная распашка земли в Центральном Черноземье к началу XX в. имела гораздо более существенные отрицательные последствия для крестьянского производства, чем аграрно-экологический фактор. [28, с. 61–62]. Интересное описание поездки уполномоченного Орловского губернского земства Н. Н. Позднякова в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда представил Н. А. Жиров, дополнив описание авторскими комментариями [8, с. 139–144].

Рассматривая проблему жесткого вмешательства государства 1920-х гг. в миграционные процессы, В. Л. Дьячков и В. В. Канищев считают, что советские органы всех уровней в большей мере занимались не принудительным переселением крестьянства, а препятствованием их самовольному выезду из центральных аграрных регионов на малоосвоенные территории, главным образом в Сибирь [6, с. 340]. По мнению В. В. Канищева и Д. П. Иванова, особенностью переселенческого движения населения Тамбовского уезда в 1925–1926 гг. стало значительное число перемещений внутри Тамбовской губернии, связанные с расселением жителей крупных поселков в новые мелкие поселения [11, с. 313].

Архивные документы центральных органов власти ЦК ВКП(б), Народного комиссариата земледелия (НКЗ РСФСР) (обзоры, доклады) позволяют увидеть особенности положения Центрально-Черноземной области (ЦЧО) в системе сельскохозяйственного производства и тем самым установить причины переселения крестьян из региона. Ценные материалы местных архивов, представленные областным комитетом ВКП(б) ЦЧО и Тамбовским губернским земельным управлением (отчеты, справки), отражают реальную картину переселений, организацию переселенческого дела на местах и показывают изменения в государственной переселенческой политике 1920-х гг., которые наиболее ярко проявились на региональном уровне. Большинство документов содержат важные статистические данные, которые позволяют оценить масштаб переселения, его финансирование и результаты. В целом архивные источники позволяют конкретизировать земельную тесноту крестьян изучаемого региона в 1920-е гг., условия рациональной организации переселения, причины его задерживающие, районы переселения. Описание тяжелейшего положения населения в 1924/25 г. и, как следствие, усиление бегства крестьян из голодающих губерний Центрального Черноземья, содержит опубликованный сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939», изданный в 2000 г. [25, с. 293–295, 323–324, 328–329].

Для России, как для аграрной страны, прирост населения был достаточно высок, что подтверждают рекордные показатели рождаемости. За 1900–1915 гг. прирост населения в России составил 46 млн человек. Чтобы иметь представление о таком количестве прироста, можно сопоставить его с населением западноевропейских стран: в

1921 г. все население Великобритании составляло 47387392 человека, Франции – 39595612 человека, а Италии – 37276738. Такой прирост населения был связан с быстрым развитием промышленности, которая поглощала избыточное сельское население, и интенсивным переселением в юго-восточные районы и в Сибирь [15, с. 7, 9, 18]. Накануне Первой мировой войны, за 1911–1915 гг. наибольшее число переселенцев вышло из Украины, Центрально-Черноземной области, особенно пострадавшей от аграрного перенаселения, и Средне-Волжского района с его менее благоприятным засушливым климатом.

Таким образом, в дореволюционное время переселение из Центрально-Черноземного региона России имело большое значение. Так сельское население Сибири с 1897 по 1914 г. выросло с 5,3 до 9,2 млн человек. Около 2/3 прироста обеспечили крестьяне-переселенцы [9, с. 3–4]. За 25 лет с 1896 по 1921 г. из Воронежской губернии переселилось 194100 человек, что составляло 40,6% прироста сельского населения, из Тамбовской – 147400, соответственно – 21,5% прироста населения. В 1917–1921 гг. во время революционных потрясений и Гражданской войны переселение крестьян почти прекратилось. Несмотря на разрушительное влияние Первой мировой войны и революций 1917 г., общая численность сельского населения России не только не сократилась, но и возросла за счет притока городского населения, которое, спасаясь от голода, бежало в наиболее обеспеченные продовольствием губернии. Так, в 1920 г. сельское население Тамбовской губернии превысило тот же показатель за 1916 г. на 7,5%, а в 1923 г. оно превысило тот же показатель 1920 г. на 0,5% [24, с. 46–52].

В годы Первой мировой войны переселение крестьянства сократилось до минимума, а в 1917 г. движение обратных переселенцев из Азиатской России в Европейскую даже стало преобладающей тенденцией. Гражданская война препятствовала движению «преградив линией фронта пути следования переселенцев» [15, с. 117–118]. Раздел помещичьих земель, вызванный аграрной революцией большевиков, также приостановил поток населения, поскольку у крестьян появилась надежда увеличить свое землепользование. С окончанием Гражданской войны переселение снова усилилось. В 1921 г. спасаясь от голода бегством, около 1 млн крестьян покинуло родину. Не поддается подсчету, какое их количество устремилось за Урал. В 1921 г. постановлением президиума ВЦИК массовое переселение в Азиатскую Россию было временно приостановлено до выяснения свободного земельного фонда и завершения подготовительных работ для организации переселенческого дела. Однако эта «приостановка» продолжалась до 1925 г. С 1921 по 1924 г. оно было запрещено правительством из-за разрухи и запустения хозяйства в центральных губерниях России. Наркоматом земледелия было широко распространено заявление о закрытии переселения и о безрезультатности ходатайств.

Кредитов на переселенческое дело не отпускалось [21, л. 126; 15, с. 118–120].

Большинство крестьян «голодного переселения» 1920–1921 гг. из Центрального Черноземья отправлялись просто на юг или юго-запад Европейской России и там временно оседали до урожая. Например, многие крестьяне из Воронежской губернии возвратились обратно. В 1925 г. НКЗ требовал от губернских земельных управлений сведений о крестьянах, выбывших из-за голода и оставивших свое имущество «на произвол судьбы». В ноябре 1925 г. в Воронежской губернии таких дворов оказалось 1092. Во время отсутствия хозяев такие избы с надворными постройками были переданы в распоряжение комитетов взаимопомощи или сельских советов, которые сдавали их беднейшим крестьянам на условиях сохранения от разрушения [19, с. 30].

Число желающих переселиться стало возрастать с 1923 г., поскольку передел земли после октября 1917 г. не решил проблему крестьянского малоземелья. Во многих случаях крестьяне, не дожидаясь открытия переселения, уезжали самовольно. Желающие переселиться выбирали преимущественно Поволжье, рассчитывая заместить там умершее за время голода население, воспользовавшись оставшейся обработанной землей и выморочными усадьбами. Стремление к переселению в Сибирь в 1923 г. было невелико. Как и в дореволюционное время, в 1920-х гг. наблюдалось и обратное движение из Сибири в Европейскую Россию. Одной из главных причин переселения была невозможность приспособиться к условиям существования в Сибири и устроиться на новом месте. Причин обратного движения крестьян было много – это и политика новых автономных республик, которая приводила к ликвидации русских поселков; это и значительное внутреннее переселение в Сибири из северных таежных уездов в более плодородные минусинские и алтайские степи (таежные волости Мариинского уезда Томской губернии таким образом потеряли до 40% своего населения, а некоторые села выселились целиком); это и стремление крестьян вернуться на родину после голода 1921 г. [16, с. 97].

К этим причинам прибавлялась и борьба за землю между старожильцами и вновь прибывшими крестьянами. В информационной сводке ОГПУ по землеустройству за июнь – август 1926 г. сообщалось о борьбе различных социальных групп деревни вокруг землеустройства, которая осложнялась наличием розни между казачеством и иногородними в казачьих районах Северного Кавказа, Поволжья и Урала. Обостренный характер имели взаимоотношения на почве землепользования между новоселами и старожильцами в Сибири и на Дальнем Востоке [25, с. 443–444].

Невозможность для значительной части крестьян, пришедших из деревни в город на заработки, найти работу усиливало безработицу в городе. В 1924 г. Совет труда и обороны поручил Народному комиссариату рабоче-крестьянской

инспекции (НК РКК СССР) и НКЗ РСФСР «в срочном порядке» разработать систему мер по удержанию хотя бы в некоторой степени притока рабочей силы из деревни в город. XIV конференция РКП(б) в 1925 г. выдвинула в число важнейших задач постепенное изживание избыточного населения деревни. Применение значительных рабочих рук могло быть достигнуто за счет интенсификации сельского хозяйства, роста промышленности, развития кустарных и отхожих промыслов, облегчения условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной аренды земли, а также организацией переселения и широкой помощи маломощным крестьянским хозяйствам [5, с. 612]. Однако, большинство этих мер носило долгосрочный характер. Поэтому большевистское правительство рассматривало переселение крестьян как необходимую меру для преодоления отсталости сельского хозяйства. В 1927 г. Госплан намечал «путь максимальной интенсификации всех подходящих районов и широкой переселенческой политики в отношении ряда областей», а широкое применение машин было возможно лишь по мере «поглощения накопившегося за много лет избыточного населения деревни» [21, л. 45–46]. Известный экономист, статистик и автор работ по переселенческому движению А. А. Кауфман не считал переселение в условиях малоземелья положительной мерой. По его мнению, переселение являлось симптомом кризиса экстенсивного земледелия, оно только затягивало кризис в сельском хозяйстве [12, с. 165].

Основной причиной переселения крестьян 1920-х гг. из Центрально-Черноземного региона так же, как и до революции, являлась земельная теснота, которая характеризовалась двумя основными признаками – избыточностью сельскохозяйственного труда, используемого в сельском хозяйстве, и крайне низкой доходностью сельского хозяйства. Октябрьский переворот 1917 г. внес огромные изменения в земельные отношения в ЦЧО. В связи с остротой земельного вопроса в перенаселенном регионе распределение земель в 1918 г. приняло характер «черного передела».

Однако, передел земли лишь в очень незначительной степени увеличил земельную обеспеченность крестьян. Аграрная революция дала дополнительно всего 0,38 дес. на одну душу крестьянского населения в Тамбовской губернии и 0,2 дес. – в Воронежской губернии. Возросшее дробление хозяйств и прирост крестьянского населения свели полученную прирезку земли почти на нет. Согласно налоговым сводкам по единому сельскохозяйственному налогу НКФ СССР за 1924/25 – 1927/28 гг., в Центрально-Земледельческом районе в среднем на одно хозяйство приходилось в 1924/25 г. 6,49 дес., в 1925/26 г. – 6,37 дес., в 1926/27 – 4,75 дес. и в 1927/28 – 6,41 дес. Такое количество земли могло обеспечить средней крестьянской семье полугодное существование. К тому же, колебания норм земельной обеспеченности крестьянских дворов были значительны не только в масштабе губер-

нии, но и по уездам. Например, в 1926 г. в Козловском уезде Тамбовской губернии крестьяне Богоявленской волости имели 0,9 дес. на едока, а в Волчковской – 1,55 дес., в Тамбовском уезде крестьяне Сысогорской волости имели 0,8 дес. на едока, а Каменской – 1,9 дес. [20, с. 137–138].

Уравнительный передел земли привел к хаосу в земельных отношениях, значительно увеличил недостатки, присущие деревне ЦЧО: чрезвычайную чересполосицу и многополосицу, огромное дальноземелье. Переделы земель в общинах происходили ежегодно, и на крестьянское хозяйство пагубно влияло временное землепользование, неопределенность и запутанность земельных отношений [20, с. 139].

По данным губернских земельных управлений, избыточный труд в сельском хозяйстве в середине 1920-х гг. имел впечатляющие размеры: Воронежская губерния – 400 000 человек, Курская – 230 019, Орловская – 137 979, Тамбовская – 469 650, всего – 2 362 219 человек [21, л. 129]. Комиссия, организованная Государственным колонизационным институтом и работавшая под руководством экономиста, профессора Л. И. Лубны-Герцык, при исчислении избыточного труда в сельском хозяйстве исходила из нормы в 4–5 дес. используемой сельскохозяйственной площади на одного полного работника. При норме в 4 дес. Комиссия определила степень использования труда по Центрально-Земледельческому району в 66,2%, а при норме в 5 дес. – 52,9%. При переводе в абсолютные количества не использованный в сельском хозяйстве труд для 1923 г. выражался величинами: 1864250 полных работников при норме в 4 дес. сельскохозяйственной площади на одного работника в переводе на взрослого мужчину и 2595018 полных работников при норме в 5 дес. Та же Комиссия приводила в своих трудах количество избыточного сельского населения и нуждавшихся в выходе в Центральном Черноземье, что показано в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в 1923 г. вероятное избыточное население Центрально-Черноземных губерниях превышало 2 809 527 человек, 1 699 185 человек должны были находить себе заработок вне земледелия, вероятно, стремились к выходу ежегодно 127 000 человек, а на перспективу десяти лет оно составило бы 1 270 000 человек.

Вторым признаком состояния аграрной перенаселенности являлся крайне низкий валовой доход от сельского хозяйства на душу населения. По бюджетным данным за 1923/24 г. валовой доход на душу сельскохозяйственного населения составлял 61,4 руб. в Воронежской губернии и 61,2 руб. – в Курской за 1925/26 г. Насколько ничтожен этот доход можно судить по следующим цифрам: в 1924/25 г. в Германии он составлял 142,7 руб., в Англии – 167,4 руб., в США – 213,4 руб. [1, л. 20 об.]. Косвенным показателем аграрного перенаселения области служат данные таблицы 2, показывающие, что Центрально-Черноземные губернии достигли такого уровня плот-

ности населения, который был сравним с соседними густонаселенными районами – Пензенской, Рязанской, Тульской, Калужской, Харьковской губерниями и УССР. Однако в отличие от этих районов, в Центральном Черноземье не было тех каналов оттока для избыточного сельского населения, которые имели Центрально-Промыш-

ленный район и Украина – развитую промышленность и интенсивные формы хозяйства.

О том же говорит и рост отхода на заработки сельского населения. В таблице 3 показано, сколько человек ушло на заработки с 1923 по 1926 г.

Таблица 1
Избыточное население в Центрально-Черноземных губерниях в 1923 г. [1, л. 20]

Название губерний	Вероятное избыточное сельское население (душ обоого пола)	Из них душ обоого пола			
		Нуждаются в выходе на сторонние заработки ежегодно в среднем	Должны находить себе вне земледелия заработок в настоящее время	Вероятно, будут стремиться к выходу на переселение	
				В среднем ежегодно	В течение ближайшего десятилетия. Всего
Орловская	418474	260000	247000	25000	250000
Тамбовская	724295	300000	440792	30000	300000
Курская	982252	350000	598464	40000	400000
Воронежская	684506	300000	412929	32000	320000
Итого по ЦЧО	2809527	1200000	1699185	127000	1270000

Таблица 2
Плотность сельскохозяйственного населения на 1 кв. км [1, л. 21]

Губернии	Плотность сельскохозяйственного населения на 1 кв. км земли без лесов	Губернии	Плотность сельскохозяйственного населения на 1 кв. км земли без лесов
Воронежская	55,6	Калужская	69,0
Курская	69,8	Черниговская	59,1
Орловская	63,0	Харьковская	72,1
Тамбовская	62,0	Сталинградская	13,9
Пензенская	63,1	Саратовская	32,2
Рязанская	72,2	УССР	57,5
Тульская	64,9	Европейская часть РСФСР (без Северного Кавказа и Урала)	46,2

Таблица 3
Отход на заработки сельского населения в 1923–1926 гг. в сравнении с дореволюционным временем (душ обоого пола) [1, л. 21]

Губернии	До революции (в среднем в год)	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Курская	252503	38700	102600	115400
Тамбовская	263073	24200	82100	84900
Орловская	280410	8800	75600	119400
Воронежская	265770	22800	54400	57900

Как видно из данных таблицы 3, с 1923 по 1926 гг. количество отходников неуклонно росло, однако, их количество значительно отставало от довоенного уровня.

Голод 1924/25 г. в Центральном Черноземье, который можно сравнить по масштабу с голодом 1921 г., способствовал не только возрастанию волны переселений, но и бегству крестьян

в другие, более обеспеченные продовольствием губернии. В сводках информационного отдела ОГПУ от 20 марта 1925 г. о состоянии районов, охваченных недородом, сообщалось, что в виду голода и сильного обнищания дворов в Центральном Черноземье в массовом неорганизованном, стихийном порядке бедняки уходят на заработки, середняки же посылают ходяков найти землю для переселения на Дон, Кубань, Кавказ, в Поволжье и Сибирь [25, с. 293–295]. Уже в декабре 1924 г. Воронежское губернское земельное управление было вынуждено обратиться в НКЗ за разъяснением о том, продолжает ли действовать запрет на переселение из губернии или можно вновь его открыть. НКЗ разрешил начать частичное переселение по специальным ходатайствам [19, с. 30].

В тех же сводках ОГПУ от 25 мая 1925 г. сообщалось о том, что из Воронежской и Тамбовской губерний крестьяне выселялись в огромном количестве, до 500 дворов из волости, ликвиди-

руя свои хозяйства. Бедняки продавали последние пожитки. Однако, среди переселенцев было много зажиточных хозяйств. Крестьяне собирали деньги для отправки ходяков, искали покупателей на свое хозяйство. На железной дороге наблюдалось ежедневное скопление крестьянства [25, с. 323–324; 328–329].

При всей условности и приблизительности подсчетов избыточного сельскохозяйственного населения факт аграрного перенаселения области являлся бесспорным. Насколько важным был вопрос переселения из Центрального Черноземья до революции по сравнению с другими регионами Российской империи, показано в таблице 4.

Начиная с 1860 г. по 1914 г., Центрально-Земледельческий район давал самое большое количество переселенцев по сравнению с другими районами. Максимальное число переселенцев было в годы активного проведения столыпинской аграрной реформы, что показано в таблице 5.

Таблица 4
Количество переселенцев из различных районов Российской империи с 1860 по 1914 гг. [1, л. 21 об.]

Районы	Всего переселилось семейных переселенцев		
	с 1860 по 1897 г.	с 1860 по 1910 г.	с 1860 по 1914 г.
Из Центрально-Земледельческого	324072	854078	1046397
Западного	38750	437569	538324
Центрально-Промышленного	140470	235092	272770
Северо-Западного	20806	44366	52001
Итого	524098	1571105	1909492

Таблица 5
Максимальное количество переселенцев [1, л. 21 об.]

Губернии	Год	Число душ	За время с 1895 по 1914 в среднем уходило переселенцев (человек)
Орловская	1909	32047	9960
Тамбовская	1907	28045	11627
Курская	1909	72315	14721
Воронежская	1909	45499	13943

Таким образом, максимальное количество переселенцев из губерний Центрального Черноземья отмечено на пике столыпинских переселений: из Орловской, Курской и Воронежской – в 1909 г., из Тамбовской – в 1907 г. Если говорить о среднегодовом выходе крестьян за 20 лет до Первой мировой войны, то в среднем от 9 960 до 14 721 человек выезжало из Центрально-Черноземной области. В 1905–1914 гг. наибольшее количество переселенцев дали Орловская (104 тыс. крестьян), Воронежская (168 тыс.), Курская (165 тыс.), Тамбовская (106 тыс.) губернии [26, с. 39]. Даже в 1914 г. из Воронежской губернии переселилось 5300 человек, а из Тамбовской – 4300 [23, л. 19]. Трагические события революции 1917 г. и Гражданской войны фактически свели на нет этот переселенческий поток. С 1920 г. от-

мечено следующее количество переселенцев по Воронежской губернии, показывающее размер переселения по годам: в 1920 г. из Воронежской губернии переселилось 7 288 человек, в 1921 г. – 7 100, 1922 г. – 3519. За три года с 1925 по 1927 гг. в земельные органы поступило 75 625 заявок на переселение за пределы губернии, а разрешений было выдано в соответствии с представленным губернии за эти же годы переселенческим фондом на 24 740 душ, т.е. заявки были удовлетворены менее, чем на 30%. А в 1927/28 г. количество душ по заявкам на переселение только по двум уездам – Усманскому и Нижнедевицкому – превзошло количество предоставленных губернии разрешений – 9 400 [1, л. 21об.]. Аналогичная картина наблюдалась и в других губерниях Центрального Черноземья.

Возможности для крестьянского землепользования в изучаемом регионе были уже давно исчерпаны, а естественный прирост сельского населения составлял 240–250 000 в год. Промышленное развитие страны, интенсификация и индустриализация сельского хозяйства, производственное кооперирование и, в понимании большевистской власти, его коллективизация, являлись эффективными средствами ликвидации аграрной тесноты. По мере восстановления экономики в число неотложных мер входили вопросы, связанные с реконструкцией промышленности, а потом и с масштабной индустриализацией. В то время, если к 1925 г. промышленность показывала неплохие темпы восстановления, то сельскохозяйственное производство еще не достигло дореволюционного уровня. Черты отсталости крестьянского хозяйства особенно проявлялись в

Центральном Черноземье. Однако, большевистское правительство понимало, что проблемы в аграрном производстве представляют собой процессы длительного характера. Таким образом, по крайней мере, на ближайшие годы, оно не ожидало заметного снижения переселенческого движения. Наоборот, правительство предполагало, что в перспективе из Центрально-Черноземной области переселенческое движение будет увеличиваться. В связи с этим местные власти считали переселение главным фактором всей экономической политики и ставили ее на важнейшее место в практических мероприятиях. Однако, в реальной жизни оно не получило должного развития, что подтверждают отчеты о состоянии переселенческого дела за 1925–1928 гг., представленные в таблице 6.

Таблица 6

Итоги переселения 1925–1928 гг. [1, л. 22]

Годы	Предоставленный губерниям наряд в душ. долях	Зачислено участков на количество душ	Фактически переселилось человек
1925/26	35300	30607	11546
1926/27	49340	35597	9209
1927/28	34700	Результаты по зачислению участков и фактическому переселению за 1927/28 г. могли быть выявлены только к концу ходячейской и переселенческой кампании	

Вышеприведенные цифры показывают, что государственная помощь переселенческому движению возобновилась только с 1925 г., но в очень слабой степени, и имела тенденцию к сокращению, что подтверждается значительным расхождением между количеством зачисленных участков и количеством фактически переселяющихся. Главной причиной являлась крайне слабая работа по организации выхода переселенцев, прежде всего из-за недостатка обслуживающего персонала и его низкой профессиональной подготовки. Так, в ЦЧО при губернских земельных управлениях обслуживающий переселение персонал в 1925–1927 гг. состоял всего из 1–2 инструкторов. С 1928 г. им на помощь были приглашены для работы в уездах агенты по переселению: в Тамбовской – 5 человек, и в Курской – 3 человека. В условиях перенаселенности Центрально-Черноземной области, когда колонизационные мероприятия имели важное государственное значение, в Тамбовской губернии не было необходимо переселенческого аппарата [3, л. 8; 2, л. 14]. Так, например, если в 1924/25 г. из Тамбовской губернии выехало 586 хозяйств, то в 1925/26 г. – 443, а в 1926/27 г. – 245 [2, л. 190б.]. К 1928 г. из Тамбовской губернии было переселено в другие губернии всего 1 324 крестьянских хозяйства с 7656 едоками, когда только в 1926 г. избыточное население в губернии составляло 20 000 хозяйств с 120 000 едоками [2, л. 40б.; 4, л. 78]. Недоверчивое отношение тамбовских крестьян к переселенческой политике, проводимой местной властью, явствует из доклада старшего инспекто-

ра губернской Рабоче-Крестьянской инспекции от 28 апреля 1928 г.: «Заявок от населения по переселению за последние 3 года было либо недостаточно, либо совсем их не было» [2, л. 14; 1, л. 220б.].

Что касается финансирования, то в 1927/28 г. переселенческий фонд в ассигнованиях госбюджета РСФСР составлял 27 млн. руб. Для ЦЧО в 1927/28 г. на содержание оперативного персонала и другие расходы, связанные с переселением по госбюджету, были отпущены незначительные суммы: в Воронежской губернии – 5 000 руб., в Тамбовской – 5 500 руб., в Орловской – 3 750 руб. и в Курской – 5 500 руб., всего – 19 750 руб. С 1925 по 1927 гг. на кредитование переселенческих мероприятий также выделялись некоторые суммы, но из-за неудовлетворительной организации выхода переселенцев, они либо не были использованы, либо использовались только частично. В 1928 г. правительство не оказывало никакой кредитной помощи переселенцам в районах выхода [22, л. 40; 1, л. 220б.].

Таким образом, переселенческая политика за пределы Центрально-Черноземной области не получила должного развития и не соответствовало возрастающему спросу крестьянства на переселение, а также потребности в нем многих районов области. Такая ситуация не соответствовала постановлению ЦИК и СНК СССР от 9 февраля 1928 г., в котором задача в районах выхода переселенцев была сформулирована следующим образом: «Переселение является следствием разгрузки перенаселенных районов в целях улуч-

шения хозяйств оставшегося в них населения» [1, л. 22об.].

Далеко не каждая семья могла переехать на новое место. Была необходима хорошая обеспеченность не только рабочей силой, но и материальными средствами. 1 400 руб. для переселяющихся хозяйств в Поволжье и 900 руб. – для переселяющихся в другие районы СССР Народный комиссариат Земледелия снизил эти суммы до 900 руб. для переселенцев в Поволжье и до 700 руб. для переселения в другие районы [24, с. 145]. Средняцкое хозяйство в порядке ликвидации своего имущества даже по высоким ценам не могло получить таких средств.

По мнению местных властей, для устройства хозяйства в Сибири и на Урале требовалось не менее 700–800 руб., а на Дальнем Востоке, где все было дороже, особенно рабочий скот, не меньше 1 000–1 200 руб. К переселению стремились главным образом, середнячки и беднячки хозяйства, зажиточные же, экономически крепкие, – в виде исключения. Поэтому основной причиной, задерживающей переселение, являлась недостаточная материальная обеспеченность. Очень часто запланировавшим переезд крестьянам не удавалось ликвидировать на месте свое хозяйство на приемлемых условиях. Это, с одной стороны. А с другой стороны, предоставленное ЦИК и СНК СССР от 9 февраля 1928 г. переселенцам право сдавать оставляемую на родине землю в аренду на 6 лет в действительности не применялось. Крестьяне-соседи в местах выхода переселенцев брали землю в аренду не более, чем на 2 года, в большинстве же случаев – на год. При таких условиях выгода выселенцев от сданной в аренду земли была невелика. Арендатор в любом случае, с кем бы аренда земли не заключалась, попадал в высшую группу при обложении налогом. Еще одной причиной, задерживающей переселение, являлась отрицательная характеристика ходами, посылаемыми предварительно для осмотра участков в районы водворения, которые говорили о трудности освоения нового места поселения. И, наконец, у переселенцев были большие сложности с ликвидацией имущества и сдачей земли в аренду, еще и потому, что нередко зажиточные крестьяне в деревне, пользуясь затруднительным положением отбывающего, предлагали низкую цену за имущество [1, л. 23–23об.].

Руководители ЦЧО понимали, что государственная переселенческая политика в определенной степени поможет преодолеть отсталость региона. Они предлагали рассматривать переселение крестьян из области не только как самоцель, но и в комплексе задач по преодолению хозяйственной и культурной отсталости региона. В октябре 1928 г. первый секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкис определил принципы такой работы: 1) строгое соблюдение гнездовой системы переселения и полная увязка переселенческой работы с системой других мероприятий по оздоровлению сельского хозяйства, 2) не случайный, а тщательный подбор переселенцев,

который обеспечивал бы максимум выполнения плана по переселению, 3) организация переселенцев в здоровые переселенческие кооперативные объединения, 4) хорошая постановка информационной работы по вопросам переселения среди интересующихся крестьян, 5) оказание помощи переселяющимся при ликвидации имущества и сдаче земли в аренду путем создания специального фонда по кредитованию этих операций, 6) надлежащий учет переселенческого движения и 7) увязка работы с районами водворения переселенцев.

Такая работа предполагала не только количественные, но и качественные изменения в постановке переселенческого дела. Прежде всего, был необходим соответствующий рабочий аппарат, укомплектованный постоянными кадрами необходимой квалификации, а не временными и случайными людьми, каковыми являлись агенты по переселению. Для эффективной помощи переселенцам были необходимы изменения соответствующих законодательных норм по урегулированию вопроса со сдачей земли в аренду, привлечение к работе сельскохозяйственной кооперации по объединению переселенцев в специальные переселенческие товарищества, создание специального фонда по кредитованию переселенческих мероприятий [1, л. 23об.].

По мнению областных руководителей, самой важной причиной, задерживающей переселение, было отсутствие кредитования таких хозяйств в местах выхода. Они предлагали выдавать банковские ссуды земельным обществам на выплату арендных сумм переселенцам за оставляемую ими землю. Земельному обществу, в распоряжение которого поступала бы земля переселенцев, не трудно было бы рассчитаться с государством за предоставленный кредит, так как необходимую сумму в порядке сдачи земли в аренду земельное общество легко могло бы выручить. В таких условиях переселенческая семья смогла бы полностью и сразу при выезде получить арендную сумму денег при сроке аренды до 6 лет, и эта сумма составила бы заметную величину. При таких условиях земля переселенцев с большей вероятностью попадала бы не к «кулацким элементам деревни», как это обычно бывало, а к крестьянам, которые в ней действительно нуждались. Государство могло бы регулировать арендные отношения в земельном обществе, руководствуясь определенными, установленными законами. Таким образом, земельные общества, которые смогли бы тоже получить выгоду от переселения, фактически были бы привлечены к делу оказания помощи переселяющимся, чего до сих пор достичь советской власти не удавалось. По мнению И. М. Варейкиса, выдача банковских ссуд бедняцкому и середняцкому населению на приобретение у переселенцев имущества, могла оказать значительную материальную помощь непосредственно переселенцам, поскольку именно с ликвидацией своего имущества на старом месте крестьяне больше всего встречали трудностей. Ведь именно неприемлемые условия продажи имуще-

ства нередко являлись причиной отказа крестьян от переселения на новые участки [1, л. 24].

Однако, во второй половине 1920-х гг., с переходом к индустриализации, средств для государственной помощи сельскому хозяйству становилось все меньше. Переселенческие фонды сокращались. Центральные власти, а за ними и областные, все чаще ставили вопрос о кооперировании крестьянских хозяйств. В условиях сокращения материальной помощи переселенцам власти рассматривали кооперирование переселенцев и переселение крупными объединениями как необходимое условие для лучшей «приживаемости» в новых местах водворения. Однако, по официальным данным, количество переселенцев из ЦЧО, объединенных в товарищества, сокращалось: в 1925/26 г. их было 3 478 человек, а в 1926/27 – 2932 человека, так же, как и сокращалось количество переселенцев, не объединенных в товарищества: в 1926/26 г. – 8 068 человек, а в 1926/27 – 6 277 человек. Власти были заинтересованы в большей степени кооперировать маломощные переселенческие хозяйства на новых местах. Таким переселенцам власти давали целый ряд льгот и преимуществ. С 1929 г. работе по организации переселенческих коллективов уделялось больше внимания. Согласно распоряжению Наркомата земледелия, в 1929 г. планировалось подготовить специально для переселенческих коллективных объединений не менее 10% от всей площади, намеченной к отводу в колониционный фонд. Таким образом, на первый план выходила координированная работа по организации бедняцких хозяйств в районах выхода [1, л. 24об.].

Сложность работы по организации выхода целых коллективов среди крестьянского населения требовала от власти усиления переселенческого аппарата хорошими, квалифицированными, опытными организаторами переселенческого дела непосредственно в округах. Со второй половины 1929 г. льготное переселение крестьян-единоличников было отменено. Государство финансировало только колхозное переселение. В 1930 г. в Сибирь прибыл 14 421 колхозник-переселенец [16, с. 126]. В конце 1929 г. в связи с разорительными налогами в ряде районов Сибири среди кулаков усиливались настроения за свертывание хозяйства и стремление к переселению в необжитые места, где они могли выйти из поля зрения финансовых органов. В Барнаульском округе крестьяне заявляли: «Нужно отсюда убраться, здесь нам житья не будет, все будут давить индивидуальным налогом, в новом же месте нас знать никто не будет» [25, с. 988]. С переходом к насильственной коллективизации проблема аграрного перенаселения снималась с повестки дня.

Несмотря на то, что нэповский период переселения был недолгим, государство предоставляло крестьянам определенные льготы. За проезд по железной дороге с ходоков и переселенцев взималась только четверть стоимости билета, переселенческую кладь или имущество можно было перевозить по льготному переселенческому тари-

фу. Переселенцы в районах водворения освобождались от сельскохозяйственного налога от 1 до 5 лет в зависимости от трудности освоения участков, членам семей переселенцев предоставляли отсрочки по отбыванию воинской повинности сроком от 1 до 3 лет. Кроме того, переселенцам выдавались ссуды: в районах Поволжья, Урала, Сибири средний размер ссуды был установлен в 300 руб., а на Дальнем Востоке – 400 руб. на семью. Ссуды выдавались на сроки от 10 до 15 лет. Кооперированным переселенцам государство дополнительно предоставляло целый ряд льгот. Они получали ссуды, снабжались сельскохозяйственными машинами за счет ссудного кредита, улучшенными сортовыми семенами. Кроме обычных льгот, кооперативные объединения могли получать дополнительные ссуды на так называемые общепользные надобности – исправление дорог, устройство мостов, постройку заводов, мельниц и т.д. [1, л. 25].

В Центрально-Черноземной области разрешалось и внутригубернское переселение. Допускалось переселение из северных уездов Воронежской губернии в южные, где для этой цели из государственного земельного запаса были выделены незначительные площади – до 10 тыс. десятин. Переселенцы из северных уездов смогли занять около половины этой площади, а другая половина была «забронирована государством» в связи с вопросом организации первых советских хозяйств. Таким образом, внутригубернское переселение было приостановлено [1, л. 25–25об.].

Областное земельное управление располагало скудными сведениями о том, в какие районы переселялись крестьяне Центрального Черноземья. Данными о переселении из Воронежской губернии за период 1906–1914 гг. располагали бывшие губернии и области, куда шли переселенцы Воронежской губернии. Перечислим этот ряд в нисходящей последовательности: Томская (ее часть – бывший Алтайский округ), Акмолинская, Семиреченская, Тургайская, Сыр-Дарьинская, Семипалатинская, Тобольская, Амурская, Енисейская, Приморская, Оренбургская.

Как распределялся по районам водворения за три года нэпа переселенческий поток, приходящийся на ЦЧО, показывают данные таблицы 7.

Из таблицы видно, что наибольший поток переселенцев приходился на 1926/27 г. Также как и до революции, переселенцы из Центрального Черноземья ехали в Сибирь, на Дальний Восток, Урал, прекратилось переселение в Среднюю Азию, прибавилось Поволжье. Среди переселенцев 1925–1927 гг. возвратившихся на родину было исключительно мало, что свидетельствовало об удовлетворительных условиях оседания на новом месте. Например, обеспеченность землей переселенцев Воронежской губернии на новом месте значительно превышала такую на родине: средний размер душевых долей в Сибири – 4–7,5 дес., на Дальнем Востоке – 5–8 дес., на Урале – 7–9 дес., а в Поволжье – 40–100 дес. на двор [19, с. 38].

Таблица 7

Районы переселения крестьян Центрального Черноземья в 1925–1928 гг. [1, л. 25 об.]

Районы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Всего за 3 года
Сибирь	12800	20340	17300	50440
Дальний Восток	7000	12000	11000	30000
Уральская Область	9500	11000	3500	24000
Поволжье	6000	6000	2000	14000
Всего	35300	49340	33800	118440

До революции переселение имело важное значение в росте производительных сил заселяемых территорий. Так, экономика Сибири за 30 лет перед Первой мировой войной изменилась до неузнаваемости. В частности, вывоз масла за эти годы увеличился с 400 000 пудов в 1890 г до 5 млн пудов, Сибирская железная дорога из убыточной вначале превратилась в доходную, давшую в 1912 г. 13,4 млн руб. чистого дохода, превысив на 1,5 млн руб. доходность бывшей Николаевской железной дороги. За одно пятилетие с 1906 по 1910 гг. 30 млн десятин почти пустынной земли было вовлечено в хозяйственный оборот, в результате чего возрастание численности скота и площади посевов за Уралом за предвоенное пятилетие более, чем вдвое превысило рост населения. Вывоз сырья из одной только Западной Сибири достиг перед войной суммы 100 млн пудов. Таким образом, роль переселенцев заключалась не только в том, что они были призваны смягчить аграрную перенаселенность некоторых районов Европейской части СССР, но и в том, чтобы «вызвать из экономического небытия» богатейшие природными ресурсами окраины СССР. Трудно было определить, каким регионам России переселение больше принесло пользы: расселяемому ли Центру или заселяемым окраинам, но одно несомненно, что его общероссийская значимость измерялась суммой этих величин [1, л. 25–26 об.].

Таким образом, после гигантских переселенческих потоков из Центрального Черноземья в годы столыпинской аграрной реформы, движение крестьян с 1914–1921 гг., в годы Первой мировой войны, революционных потрясений 1917 г и Гражданской войны практически прекратилось. С 1921 по 1924 г. переселение крестьян было самовольным, поскольку оно было запрещено пра-

вительством из-за разрухи и запустения хозяйства в центральных губерниях России. Главной причиной переселения крестьян 1920-х гг., как и до 1917 г., было малоземелье, однако в 1920-е гг. к ней добавились такие, как: не оправдавшая надежды прибавка земли после 1917 г., усилившиеся недостатки землепользования и запутанность земельных отношений, присущие деревне ЦЧО. В 1924 г. крестьяне уезжали из Центрального Черноземья из-за крайне бедственного положения вследствие голода, полного неурожая хлебов и окончательного разрушения хозяйства.

Начало государственного финансирования переселенческого движения индивидуальных крестьянских хозяйств совпадает с относительным восстановлением сельского хозяйства в 1925 г и заканчивается в 1929 г. в связи с переходом к насильственной коллективизации. Количество переселенцев 1920-х гг. значительно отставало от дореволюционного времени. Из-за слабого государственного финансирования, местные органы власти не могли удовлетворить даже минимальный спрос крестьян на переселение. Руководители ЦЧО рассматривали переселенческую политику как основное средство преодоления хозяйственной отсталости и бедности региона. Они понимали всю сложность переселенческой работы, определяли пути совершенствования переселенческого дела, однако располагали ограниченными ресурсами. В конце 1920-х гг. сталинское руководство все больше поддерживало коллективные хозяйства, делая на них ставку в аграрном производстве. Со второй половины 1929 г. льготное переселение крестьян-единоличников было отменено, государство финансировало только колхозное переселение, выгодное государству, а добровольное переселение индивидуальных крестьянских хозяйств прекратилось.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110.
2. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 5680.
3. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 4002.
4. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 4020.
5. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 863 с.
6. Дьячков В. Л., Канищев В. В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920–1990-е гг. // Вестник Тамбовского государственного университета, выпуск 8 (100), 2011. С. 340–345.

7. Есиков С. А. Переселения тамбовского крестьянства как средство преодоления аграрного переселения (1860–1820-е гг.) // Проблемы исторической демографии и исторической демографии Центрального Черноземья. Москва; Курск: [б.и.], 1994. С. 142–149.
8. Жиров Н. А. Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда как источник по изучению столыпинской переселенческой политики в начале XX в. // История: факты и символы. 2016. № 4 (9). С. 139–144.
9. Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: [б.и.], 2007. 170 с.
10. Иноземцев И. В. Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861–1914 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж: [б.и.] 2005. 24 с.
11. Канищев В. В., Иванов Д. П. Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011, выпуск 1 (93). С. 309–319.
12. Кауфман А. А. Автобиография / А. А. Кауфман; публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 1. С. 151–180.
13. Курцев А. Н. Особенности переселений российского крестьянства за 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. 10 (66). С. 303–309.
14. Курцев А. Н. Переселенчество и отходничество крестьян Центрально-Черноземных губерний в 1861–1917 гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. №4 (84). С. 44–52.
15. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Плановое хозяйство, 1926. 124 с.
16. Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 87–141.
17. Моисеенко В. М. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. С. 122–146.
18. Моисеенко В. М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3. С. 51–62.
19. Небольсин А. Н. Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии / под ред. и с предисл. А. Н. Татарчукова. Воронеж: Воронежская Коммуна, 1928. 46 с.
20. Петришина И. Д. Индивидуальное крестьянское хозяйство Центрального Черноземья в годы нэпа (1921–1929 гг.) (По материалам Воронежской и Тамбовской губерний. Дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 242 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 278.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 336.
23. Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3719.
24. Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции // Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области / под ред. А. Н. Татарчукова. Воронеж: 5-я Государственная типо-литография «Донполиграфбума», 1926. С. 107–158.
25. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 1168 с.
26. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
27. Чуркин М. К. Переселенческие крестьянские хозяйства черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX века – начало XX века): экономическое состояние и адаптивные возможности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 175–183.
28. Чуркин М. К. Регион-«донор» – регион-«реципиент»: природно-географический фактор и его влияние на крестьянское хозяйство в местах выхода и водворения переселенцев черноземного центра России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 56–65.

References

1. The State Archive of the Social and Political History of the Voronezh Region. F. 2. Inv. 1. D. 110.
2. The State Archive of the Tambov Region (GATO). F. R-946. Inv. 1. D. 5680.
3. GATO. F. R-946. Inv. 1. D. 4002.
4. GATO. F. R-946. Inv. 1. D. 4020.
5. Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke (*The history of the peasantry of Russia in the XX century*). Part 1. Moscow: ROSSPEN publ., 2011. 863 p.
6. D'yachkov V. L., Kanishchev V. V. Sootnoshenie prinuditel'noi i dobrovol'noi migratsii sel'skogo naseleniya Tambovskoi oblasti v 1920–1990-е гг. (*The ratio of forced and voluntary migration of the rural population of the Tambov region in the 1920–1990*) // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 8 (100), 2011. P. 340–345.
7. Esikov S. A. Pereseleniya tambovskogo krest'yanstva kak sredstvo preodoleniya agrarnogo pereseleniya (1860–1820-е гг.) (*Resettlement of the Tambov peasantry as a means of overcoming agrarian resettlement (1860–1820s)*) // Problemy istoricheskoi demografii i istoricheskoi demografii Tsentral'nogo Chernozem'ya. Moscow; Kursk, 1994. P. 142–149.
8. Zhiron N. A. Otchet upolnomochennogo gubernskogo zemstva Pozdnyakova N. N. o poezdke v Zapadnyu Sibir' dlya oznakomleniya s zemlyami kolonizatsionnogo fonda kak istochnik po izucheniyu stolypinskoi pereselencheskoi politiki v nachale XX v. (*Report of the authorized provincial zemstvo Pozdnyakova N.N. about a trip to Western Siberia to get acquainted with the lands of the colonization fund as a source for studying the Stolypin resettlement policy in the early twentieth century*) // Istoriya: fakty i simvoly. 2016. No. 4 (9). P. 139–144.

9. Il'nykh V. A., Nozdrin G. A. Sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1890–1920-e gg. (*Agriculture of Siberia in the 1890s – 1920s*). Novosibirsk, 2007. 170 p.
10. Inozemtsev I. V. Migratsii krest'yan Voronezhskoi gubernii v 1861–1914 gg. (*Migrations of peasants of the Voronezh province in 1861–1914*): abstract of thesis. Voronezh, 2005. 24 p.
11. Kanishchev V. V., Ivanov D. P. Izmeneniya paradigmy migratsionnogo povedeniya tambovskogo krest'yanstva v XX v. (*Changes in the paradigm of migration behavior of the Tambov peasantry in the XX century*) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: gumanitarnye nauki. 2011. Issue 1 (93). P. 309–319.
12. Kaufman A. A. Avtobiografiya (*Autobiography*) // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2015. Vol. 16. No.1. P. 151–180.
13. Kurtsev A. N. Osobennosti pereselenii rossiiskogo krest'yanstva za 1861–1917 gg. na primere Tsentral'no-Chernozemnogo regiona (*Features of the resettlement of the Russian peasantry for 1861 – 1917 by the example of the Central Black Earth region*) // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. No. 10 (66). P. 303–309.
14. Kurtsev A. N. Pereselenchestvo i otkhodnichestvo krest'yan Tsentral'no-Chernozemnykh gubernii v 1861–1917 gg. (*Migration and otkhodnichestvo of peasants of the Central Black Earth provinces in 1861–1917*) // Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2012. No. 4 (84). P. 44–52.
15. Lubny-Gertsyk L. I. Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR za vremena mirovoi voyny i revolyutsii. (*The movement of the population in the USSR during World War II and the revolution*). Moscow: Planovoe khozyaistvo publ., 1926. 124 p.
16. Moiseenko V. M. Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (Iz istorii migratsii v Rossii) (*Peasant resettlement in the 1920s (From the history of migration in Russia)*) // Demograficheskoe obozrenie. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 87–141.
17. Moiseenko V. M. Migratsiya iz sel'skoi mestnosti v gorodskie poseleniya v SSSR v 1920-e gody (*Migration from rural areas to urban settlements in the USSR in the 1920s*) // Demograficheskoe obozrenie. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 122–146.
18. Moiseenko V. M. Otkhod sel'skogo naseleniya na zarabotki v SSSR v 1920-e gody (*The departure of the rural population to earn money in the USSR in the 1920s*) // Narodonaselenie. 2017. No. 3. P. 51–62.
19. Nebol'sin A. N. Pereselencheskoe dvizhenie krest'yan iz Voronezhskoi gubernii (*Migration movement of peasants from the Voronezh province*) / ed by A. N. Tatarchukova. Voronezh: Voronezhskaya Kommuna publ., 1928. 46 p.
20. Petrishina I. D. Individual'noe krest'yanskoe khozyaistvo Tsentral'nogo Chernozem'ya v gody nepa (1921–1929 gg.) (*Po materialam Voronezhskoi i Tambovskoi gubernii (Individual peasant farming of the Central Black Earth Region during the years of NEP (1921–1929)*) (Based on materials from the Voronezh and Tambov provinces): thesis. Voronezh, 2005. 242 p.
21. The Russian State Archive of Social and Political History. (RGASPI). F. 17. Inv. 85. D. 278.
22. RGASPI. F. 17. Inv. 85. D. 336.
23. Russian State Archive of Economics. F. 478. Inv. 5. D. 3719.
24. Sazonov K. N. Zemlepol'zovanie i zemleustroistvo v Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti posle revolyutsii (*Land use and land management in the Central Black Earth region after the revolution*) // Materialy po izucheniyu voprosa o vosstanovlenii khozyaistva Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti / ed by A. N. Tatarchukov. Voronezh: Donpoligrafbuma publ., 1926. P. 107–158.
25. Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD. (*The Soviet village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD*) 1918–1939. Vol. 2. 1923–1929 / ed by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN publ., 2000. 1168 p.
26. Tyukavkin V. G. Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma. (*The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform*). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli publ., 2001. 304 p.
27. Churkin M. K. Pereselencheskie krest'yanskie khozyaistva chernozemnogo tsentra v Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – nachalo XX veka): ekonomicheskoe sostoyanie i adaptivnye vozmozhnosti (*Migrant peasant farms of the chernozem center in Western Siberia (second half of the 19th century – the beginning of the 20th century): economic status and adaptive opportunities*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 429. P. 175–183.
28. Churkin M. K. Region-«donor» – region-«retsipient»: prirodno-geograficheskii faktor i ego vliyanie na krest'yanskoe khozyaistvo v mestakh vykhoda i vodvoreniya pereselentsev chernozemnogo tsentra Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (*Region-“donor” – region-“recipient”: natural-geographical factor and its influence on the peasant economy at the places of exit and placement of immigrants of the chernozem center of Russia (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)*) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. No. 2 (10). P. 56–65.

Сведения об авторе

Петришина Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) / petrishina62@mail.ru

Information about the author

Petrishina Irina – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk) / petrishina62@mail.ru